ЗАМѢТКИ

О

РУССКИХЪ ЖИТЕЛЯХЪ

БЕРЕГОВЪ РѢКИ ОЯТИ.

Ив. Хрущова.

С.-Петербургъ.
1869.

Отъ Хрущова.

ЗАМѢТКИ

о

РУССКИХЪ ЖИТЕЛЯХЪ

БЕРЕГОВЪ РѢКИ ОЯТИ.

Ив. Хрущова.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Майкова, въ д. Минист. Финанс., на Дворц. площ.
1868.

Печатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

(Изъ Записокъ Имп. Рус. Геогр. Общества по Отдѣленію Этнографіи, т. II, 1868 г.).

ЗАМѢТКИ О РУССКИХЪ ЖИТЕЛЯХЪ БЕРЕГОВЪ РѢКИ ОЯТИ [1]).

Путь изъ Петербурга до устья р. Ояти. — Описаніе погостовъ, расположенныхъ по берегамъ этой рѣки. — Описаніе мѣстности и промысловъ жителей. — Особенности мѣстнаго говора. — Нравственность и религіозность жителей. — Остатки старинной одежды. — Свадебные обычаи. — (Поминки). — Повѣрья. — Народный пѣвецъ. — Памятники народной словесности.

Если сѣсть на пароходъ у пристани Александро-Невской лавры или у Литейнаго моста, въ два часа по полудни, въ лѣтній день, то къ утру при благополучномъ ходѣ, вы оставите за собою рѣдко спокойное Ладожское озеро, и передъ вами засинѣютъ покрытые кустарникомъ берега широкаго, едва уловимаго глазомъ устья Свири. Когда вступите въ самую Свирь, увидите на правомъ берегу селеніе. Большія избы, высокія и некрасивыя, подъ рядъ съ купеческимъ раскрашеннымъ домикомъ, тянутся вдоль вдавшейся въ Свирь косы или «наволока». Селеніе это, *Носокъ*, составляетъ часть волости *Сермаксы*, растянувшейся съ небольшимъ на пять верстъ вдоль рѣки Ояти, впадающей въ Свирь съ лѣвой стороны, не много пониже Носка. Лѣтомъ пароходъ стоитъ у Носка около часу; осенью

[1]) Читаны въ засѣданіи Отдѣленія Этнографіи, 2 февраля 1867 г. При печатаніи текстъ значительно дополненъ авторомъ, а въ примѣчаніяхъ помѣщены еще нѣкоторыя, заимствованныя изъ «Олонецкихъ Вѣдомостей» 1867 года, дополненія о нравахъ оятскаго побережья, чтобы такимъ образомъ сгруппировать въ одномъ изданіи все, что писано по этнографіи этой мѣстности.

тутъ ночуетъ, если дѣло къ ночи, — такъ какъ свирскіе пороги надо непремѣнно пройти засвѣтло. Сермаксы, хотя бы только по имени, останутся въ памяти путешественника, какъ первая пристань послѣ открытаго моря, то есть, Ладожскаго озера. Тому, кто на почтовыхъ слѣдуетъ по архангельскому тракту (дорога, какъ извѣстно, идетъ вдоль южнаго берега Ладожскаго озера), приходится переѣзжать Волховъ, Сясь, Пашу и, верстахъ въ десяти отъ послѣдней, Оять—все въ тѣхъ же Сермаксахъ, но только съ противоположной Носку стороны. Самая почтовая станція стоитъ на берегу Ояти, а насупротивъ ея, каменный столбъ, граница Олонецкой губерніи. До самаго впаденія въ Свирь, Оять раздѣляетъ двѣ губерніи, такъ что одна часть Сермаксъ находится въ Петербургской, а Носокъ и слѣдующія за нимъ селенія въ Олонецкой губерніи. Я выше сказалъ, что путешественникъ на лошадяхъ, слѣдуя по архангельскому тракту, переѣдетъ, еще не достигнувъ Свири, четыре рѣки. Волховъ извѣстенъ всѣмъ отъ истока до устья. Сясь, болѣе всѣхъ покрыта судами, наплывающими въ нее изъ Тихвинки, хотя далеко не такъ извѣстна въ своихъ верховьяхъ, какъ Волховъ. Область Паши гораздо менѣе извѣстна, чѣмъ область Сяси. А мнѣ, ѣхавшему съ Ояти, сказалъ житель береговъ Паши: «Да, изъ глухой же вы сторонки!» Значеніе рѣкъ и озеръ такъ велико во всей этой сторонѣ, что жители только и знаютъ, что о рѣкахъ да озерахъ: онъ—съ Паши, я—съ Ояти, этотъ—съ озера Чукъ и т. д. И дѣйствительно, все населеніе тянетъ къ рѣкамъ и къ большимъ озерамъ. Разсказывать о жителяхъ одной рѣки, значитъ разсказывать о цѣломъ краѣ.

И вотъ, я рѣшаюсь принести на судъ Отдѣленія Этнографіи то, что я знаю о цѣломъ глухомъ краѣ береговъ Ояти, рѣки, которая своимъ протяженіемъ около 250 верстъ [1]) и шириною равняется иной большой, главной въ цѣлой губерніи рѣкѣ, какъ напримѣръ Сейму (Семи) въ Курской губерніи. Прошу замѣтить,

[1]) Въ «Геогр. словарѣ Росс. Имп.», изд. нашимъ Обществомъ, длина Ояти, на основаніи Штукенберга, показана въ 185 верстъ; но показаніе г. Хрущова должно считать болѣе вѣроятнымъ, ибо оно сходится съ результатами измѣренія по картамъ военно-топографической съемки.

что я въ разсказѣ моемъ слѣдую вверхъ по рѣкѣ, отъ устья къ истоку.

За Носкомъ, гдѣ пристаютъ пароходы, слѣдуетъ второе селеніе — *Сермакскій* погостъ, съ церковью и базаромъ [1]). Далѣе идутъ порядочные домики рядомъ съ покривившимися избенками. Особнякомъ стоитъ большой двухэтажный купеческій домъ. Видъ Сермаксъ чрезвычайно непріятенъ: ни одного дерева на всемъ ихъ протяженіи; избы высоки и безобразны; купеческіе дома съ претензіями на вкусъ еще безобразнѣе ихъ. Среди послѣднихъ какъ-то плачевнѣе кажутся покривленныя избы. Въ Сермаксахъ живутъ купцы лѣсопромышленники и рыбопромышленники; двое изъ нихъ, при этихъ промыслахъ, ведутъ хорошую торговлю колоніальными товарами; купцы строятъ амбары на Носкѣ для выгрузки хлѣба съ судовъ, идущихъ по Свири, сооружаютъ тихвинки и лѣсныя гонки и отдаютъ первыя въ наемъ для провоза хлѣба въ Петербургъ. Многочисленные караваны судовъ, слѣдующихъ по Маріинской системѣ, останавливаются въ Сермаксахъ. Крупные хлѣбные торговцы дѣлаютъ тамъ большія дѣла; въ Сермаксахъ живутъ прикащики нѣкоторыхъ значительныхъ домовъ. Лѣтомъ въ Сермаксахъ большее движеніе. Отъ Сермаксъ ежедневно ходятъ трешкоты въ Петербургъ; заворачивая изъ устья Свири въ Свирицу, они идутъ извѣстнымъ путемъ ка-

---

[1]) „Погостъ", въ мѣстномъ значеніи, есть центръ близъ лежащихъ маленькихъ селеній; селенія эти всегда расположены такъ: двѣ, три избы рядомъ, черезъ версту десятокъ избъ, опять двѣ, три избы и т. д. Всѣ эти поселки въ совокупности зовутся именемъ погоста, но въ то же время каждый изъ нихъ, какъ бы малъ ни былъ, имѣетъ свое особое названіе. *Ив. Хр.* — Извѣстно старинное значеніе погостовъ Новгородской области, какъ главныхъ мѣстностей въ особыхъ правительственныхъ округахъ и въ то же время какъ центровъ приходовъ. Изъ словъ г. Хрущова видно, что на Ояти связь между селеніями, составлявшими извѣстный погостъ, сохраняется понынѣ, не смотря на то, что центральное значеніе погоста въ административномъ отношеніи уничтожилось. Нѣкоторые изъ погостовъ, а равно и другихъ посслковъ, описанныхъ г. Хрущовымъ, встрѣчаются въ обозрѣніи новгородскихъ погостовъ по писцовымъ книгамъ XVI вѣка, К. А. Неволина («Записки Имп. Р. Г. Общества», т. VIII), принадлежащими къ пятинѣ Обонежской. О Сермакскомъ или *Введенскомъ* погостѣ см. тамъ, стр. 163 и въ приложеніяхъ, стр. 148—150 и 387.

наловъ Маріинской системы до Шлиссельбурга [1]). За Сермаксами Оять круто поворачиваетъ.

Второй погостъ на Ояти—*Никольскій* или *Никольщина* въ 15-ти верстахъ отъ Сермаксъ, на олонецкомъ берегу [2]). Дорога къ нему идетъ лѣсомъ. Оять вьется, набережье песчаное, берегъ со стороны Петербургской губерніи низокъ. Жители Русскіе, новгородскіе поселенцы; были помѣщичьи. Всѣ помѣщичьи имѣнія по Ояти, верстъ на 85-ть отъ Сермаксъ до самаго Виницкаго погоста принадлежали въ прошломъ вѣкѣ помѣщику Вындомскому, который кромѣ того, владѣлъ деревнями по Пашѣ, Сяси и Волхову. Помѣщики по Ояти малоземельные, мелкопомѣстные, за исключеніемъ двухъ фамилій, изъ которыхъ каждой съ конца прошлаго вѣка принадлежали многія деревни по берегу Ояти и въ окрестностяхъ. Отъ Виницкаго погоста до самаго верховья жители всѣ, безъ исключенія, государственные крестьяне. Вындомскій не польстился на такую глушь. Какъ многіе изъ жителей Олонецкой губерніи, обитатели верховья Ояти никогда не подпадали подъ помѣщичью власть.

Жители береговъ Ояти сѣютъ хлѣбъ въ небольшемъ количествѣ по причинѣ трудности расчистить и удобрить землю. Каждое польце огорожено изгородой и обыкновенно примыкаетъ къ лѣсу. Хлѣба мужику не достаетъ на зиму, и онъ кормится промысломъ (о чемъ будетъ сказано ниже). Прежде было развито въ этомъ краю «лядинное» хозяйство: выжжетъ мужикъ нѣсколько десятинъ лѣсу и, расчистивъ мѣсто, насѣетъ хлѣбъ; хлѣбъ родится какъ нельзя лучше

---

[1]) Тутъ слѣдуетъ сказать слово о томъ, какъ трудно трешкоту сдѣлать 10 верстъ отъ Сермаксъ до Свирицы. Переваль черезъ Свирь на веслахъ; лошадь застрѣваетъ въ кустахъ, вязнетъ въ болотѣ, идетъ въ воду, при чемъ терпитъ побои; за невозможностью слѣдовать на бичевѣ, лошадь принимается на трешкотъ, потокъ выпускается снова на берегъ, мокрая и избитая. Мальчикъ, измученный не менѣе лошади, подвергается истязанію, пробираясь сквозь кусты, надрываясь въ своемъ немилосердномъ понукиваньи. Прежде тутъ былъ устроенъ бичевникъ, но въ слѣдствіе споровъ на счетъ суммы—съ кого брать ее, уничтоженъ.

Ив. Х.

[2]) «Записки И. Р. Г. Общества», т. VIII, стр. 163 и въ прилож., стр. 150—151 и 387.

и безъ всякаго удобренія, и такъ цѣлые три года; но за то черезъ три года мѣсто это превращается въ «лядину»; на лядинѣ ничего не растетъ кромѣ канабры, растенія изъ семейства верескововъ, и мѣсто такое на долго пропадаетъ. Обиліе лѣсовъ дозволяло лядинному хозяйству развиваться. Теперь же и лѣсъ въ цѣнѣ, и крестьяне послѣ того, какъ помѣщичій лѣсъ отошелъ отъ нихъ, берегутъ свой. Пожни, то есть сѣнокосы, помѣщаются на откосахъ, по берегу Ояти, и среди лѣсу, который идетъ во всѣ стороны и занимаетъ пространство между Оятью и Свирью. Косятъ сѣно и по лѣсамъ. Вообще въ сѣнѣ нѣтъ недостатка, и каждый хозяинъ имѣетъ нѣсколько коровъ, число которыхъ у богатыхъ доходитъ до десяти. Для коровъ устроено возлѣ каждой избы теплое помѣщеніе; лѣтомъ скотина пасется въ лѣсу, и у каждой коровы на шеѣ колоколецъ.

Промыселъ жителей весною—гонка, зимою—подряды. Съ верховья Ояти весною гонятъ дрова къ Сермаксамъ, и для этой-то гонки подрядчики употребляютъ жителей береговъ Ояти. Цѣна бурлаку на недѣлю 2 руб., недоростку 1 р. 50 к. Зимою, на подрядѣ, крестьяне живутъ въ лѣсу, въ землянкахъ; около землянокъ устраиваютъ печи каменныя, а кушанья варятъ на воздухѣ. Само собой разумѣется, что они занимаются рубкой и вывозкой дровъ. Заработки каждаго въ зиму отъ 20 до 50 рублей, смотря по тому, кто сколько саженей вывезетъ. За сажень приходится отъ 1 р. 50 к. до 2 р. Женщины ходятъ въ лѣсъ съ мужчинами и работаютъ наравнѣ съ ними; тѣ, которыя остаются дома, занимаются пряжей и тканьемъ полотенъ—только на себя. Если мать маленькихъ дѣтей идетъ въ лѣсъ, то за себя нанимаетъ няньку. Въ няньки нанимаются преимущественно дѣвочки отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ; нянькѣ плата 1 р. въ зиму и отъ 2-хъ до 3-хъ въ лѣто.

Что касается до фабричнаго и мануфактурнаго производства, то въ Соцкомъ погостѣ дѣлаютъ разнаго рода глиняную посуду, хотя впрочемъ довольно грубо. Горшки развозятся производителями по деревнямъ въ лодкахъ и въ большемъ количествѣ отправляются въ Сермаксы; изрѣдка довозятся и до Петербурга. Тотъ же Соцкій погостъ славится производствомъ лодокъ, удобныхъ для плаванія по порожистой рѣкѣ. Во многихъ мѣстахъ по Ояти выдѣлываютъ кожи.

Почти на каждомъ погостѣ живетъ торговецъ или, по мѣстному нарѣчію, «торговый». Торгуетъ онъ чаемъ, сахаромъ, кофеемъ, краснымъ и желѣзнымъ товаромъ и хлѣбомъ. Иногда такой торговецъ вступаетъ въ пай съ сермакскими лѣсопромышленниками и беретъ на себя подрядъ. Во время приходскаго праздника съѣзжаются къ празднику торговцы со всѣхъ оятскихъ погостовъ. Рыбный промыселъ производится только на себя, за исключеніемъ жителей береговъ озера Чука и Савозера, верстахъ въ 12-ти отъ Ояти. Потомъ и кровью добываютъ себѣ жители береговъ Ояти хлѣбъ, однако у крестьянина этихъ мѣстъ скорѣе довольство, чѣмъ скудость. Нищихъ очень мало: изрѣдка ходитъ побираться какой нибудь немощный и разоренный мужикъ или старая, безродная баба.

Мѣстность по берегамъ Ояти красивая, разнообразная; берега то подымаются съ обѣихъ сторонъ высокими кряжами, наклонно къ рѣкѣ, то постепенно возвышаются, отклоняясь отъ берега. Въ рѣку текутъ изъ лѣсовъ обильные ручьи; между ними есть желѣзистые и сѣрные ключи. Берега по большей части каменисты; рѣка на всемъ своемъ протяженіи порожиста. За 30-ть верстъ отъ устья пороги прекращаются, и начинаются отмели; берега песчаные. На этомъ песчаномъ ложѣ Оять перемѣняетъ направленіе: въ послѣдніе двадцать лѣтъ она значительно (на ½ версты) отклонилась слѣва на право, такъ что къ берегу Петербургской губерніи прибавилось нѣсколько луга, а отъ берега Олонецкой отмыло, возлѣ Имоченскаго погоста, пожни. Рѣка не обильна рыбою; окуни, ерши, пискари, язи и «поскакухи» (порода мелкихъ лососей); всего болѣе щукъ. Въ лѣсныхъ ручьяхъ ловится форель, по мѣстному нарѣчію «лавьяны». Въ лѣсахъ — ель, сосна, осина, рябина, верескъ; ягоды—малина, морошка («глажи»), брусника («брусница»), клюква («жировина»), земляница и мамура («куманика»). Среди сѣверной растительности въ глубинѣ лѣсовъ частыя озера, то групами, по два, по три рядомъ и одно противъ другого, то по одиночкѣ, большія (на 7 верстъ и болѣе), глубокія, обильныя рыбой. Около нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ будто чудомъ какимъ разрослись вязы, клены, дикія яблони и липы. Такою растительностію окружено напримѣръ Мальгозеро, верстахъ въ 4-хъ отъ Ояти. По лѣсамъ водятся во множествѣ медвѣди; ихъ видятъ часто около селеній, и часто на прогулкѣ нападаешь на медвѣжій слѣдъ.

Иногда появляются лоси; въ верховьяхъ ихъ очень много. Рысь попадается также въ верховьяхъ. Нечего и говорить о бѣлкахъ и зайцахъ. Дичи множество: «рябы», тетерева, утки. Осенью появляются лебеди; иногда видятъ орла. Но, подвигаясь далѣе отъ погоста къ погосту, я буду имѣть возможность еще нѣсколько очертить мѣстность.

Между Сермаксой и Никольщиной, о которой уже упоминалъ, на берегу Петербургской губерніи находится *Введенскій* монастырь, хорошо обстроенный, но не представляющій ничего любопытнаго [1]). Нѣтъ въ немъ ни древнихъ вещей, ни грамотъ, ни любопытной легенды. Въ немъ гроба родителей Александра Свирскаго. Ближніе къ монастырю жители ходятъ косить монастырское сѣно, по обѣщанію угоднику и Богородицѣ.

Третій погостъ—*Имоченскій* [2]). Съ нимъ связано воспоминаніе о явленіи Тихвинской Божіей Матери. Самое событіе явленія случилось въ 1383 году, то есть въ послѣдніе годы княженія Димитрія Донскаго. Короткое извѣстіе о явленіи этой иконы находится въ «Древнемъ лѣтописцѣ» (часть II, стр. 92), а болѣе подробное въ особомъ «Сказаніи о явленіи чудотворныя Пресвятыя Богородицы иконы, нарицаемыя Тихфинскія въ предѣлѣхъ Великаго Новаграда». Кромѣ того мнѣ удалось найти отдѣльную краткую статью о явленіи Тихвинской Богоматери, съ упоминаніемъ Имоченицъ, въ одномъ сборникѣ XV столѣтія, въ библіотекѣ Московской духовной академіи, № 414. Такимъ образомъ еще задолго до появленія полнаго «сказанія» существовали краткія письменныя замѣтки о Тихвинской иконѣ. По современному мѣстному преданію, икона прежде всего явилась въ Ширничахъ, 7 верстъ ниже Имоченскаго погоста. На мѣстѣ, освященномъ этимъ воспоминаніемъ, стоитъ часовня, и ежегодно, въ Успеньевъ день, бываетъ въ нее изъ Имоченскаго погоста крестный ходъ [3]). Уже въ другой разъ явилась икона на томъ

---

[1]) «Записки Имп. Р. Г. Общ.», т. VIII, прилож., стр. 149.

[2]) О погостѣ Имоченицкомъ см. тамъ же, стр. 167 и въ прил., стр. 151 и 387.

[3]) Надобно замѣтить, что всѣ Богородичные праздники раздѣлены между деревнями Имоченицкаго погоста; такъ 1-го октября, Покровъ, празднуется на Бору, Успеніе—на Ширшиничахъ и пр. *Ив. Х.*

мѣстѣ, гдѣ въ XIV вѣкѣ была церковь Рождества Богородицы и келіи. Теперь тутъ двѣ церкви: одна Рождественская, другая Николая Чудотворца. Обѣ стоятъ рядомъ, одна возлѣ другой; первая причислена къ олонецкой епархіи, вторая къ петербургской. Прихожане послѣдней живутъ на противоположномъ берегу Ояти, то есть въ Петербургской губерніи. Настоящая церковь Рождества Богородицы, разумѣется, несовременна древнему извѣстію; она перестроена изъ прежней, обветшавшей, въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія. Отъ прежней церкви сохранились многія иконы очень древняго письма; въ числѣ ихъ большая икона Тихвинская. Въ церкви Николая Чудотворца сохраняется водосвятная чаша; на ней вычеканена вязью надпись: «лѣта 7108 маія въ 8 здѣлана бысть сія чаша при благовѣрномъ цари и великомъ князи Борисе Өедоровичи всея Руси, при митрополите Исидоре великаго Новаграда и великихъ Лукъ въ честную обитель пречистые Богородицы, честнаго и славнаго ея рождества, въ Вымоченицы». Къ этимъ историческимъ свѣдѣніямъ и по поводу ихъ, прибавлю еще, что на Ояти много кургановъ; въ нихъ часто находятъ кости. Мѣстные жители говорятъ, что тутъ съ Литвою бились.

Четвертый погостъ *Гедевскій* или *Гедевичи* [1]. Тутъ церковь Архангела Михаила. На супротивъ Городковскій погостъ, Петербургской губерніи. Рѣкою отъ Имоченицъ до Гедевичей 20-ть верстъ.

Пятый погостъ — *Соцкій*, 25-ть верстъ отъ предъидущаго [2]. Въ немъ церковь великомученика Димитрія, о пяти главахъ. Мѣстность дикая, непроходимо лѣсистая; начинаются высокіе кряжи; самая церковь на косогорѣ. 9-ть верстъ выше этого погоста по лѣвому берегу (для насъ по правому, потому что идемъ вверхъ, отъ устья къ истоку), Новоладожскій уѣздъ Петербургской губерніи смѣняется Тихвинскимъ Новгородской. Выше Соцкаго погоста начинаютъ говорить по чудски.

Слѣдующій шестой погостъ — *Ярославичи*, въ 16-ти верстахъ

---

[1]) См. „Записки И. Р. Г. Общества", стр. 167 и въ прилож. стр. 151—152 и 387.

[2]) См. тамъ же, стр. 167 и въ прилож. стр., 152—153 и 387.

отъ Соцкаго [1]). Здѣсь церковь Святителя Николая. Мѣстность вся такого же характера, какъ и около Соцкаго погоста, но при этомъ въ высшей степени разнообразна. Десять верстъ ниже погоста кончается Тихвинскій уѣздъ Новгородской губерніи: оба берега рѣки становятся олонецкими, Лодейнопольскаго уѣзда. Жители тутъ говорятъ по чудски и по русски.

Седьмой погостъ — *Виницкій*, въ 25 верстахъ отъ Ярославичей, съ церковью Рождества Богородицы [2]). Съ Виницкаго погоста прекращается помѣщичье населеніе, и такъ до самаго истока. Въ Виницкомъ погостѣ говорятъ болѣе по русски, чѣмъ по чудски. Виницы—это какъ бы главное селеніе всего верховья Ояти. Тутъ Оять вновь приблизилась къ архангельскому почтовому тракту (35 верстъ до Юксовской станціи). На погостѣ славныя лавки; торгъ хлѣбомъ и краснымъ товаромъ значителенъ. Мѣстность тутъ относительно много населенная; на протяженіи 15 верстъ все тянутся маленькія деревушки, почти не прерываясь. Въ 7-ми верстахъ отъ Виницкаго погоста, среди непроходимыхъ болотъ, находится приписанная къ тамошнему приходу церковь Введенія, на р. Шакшѣ; древле тутъ была такъ называвшаяся *Паданская пустынь* или *Колмовъ монастырь* [3]); отъ нея остались двѣ кельи; въ церкви гробница святаго мужа, игумена-основателя пустыни Корнилія, ученика преподобнаго Александра Свирскаго.

Восьмой погостъ — *Немжинскій*, по сухому пути въ 10-ти верстахъ отъ Виницкаго, по рѣкѣ въ 50-ти. На пространствѣ этихъ 50-ти верстъ, на всемъ откосѣ Ояти, нѣтъ человѣческаго жилья. Тутъ настоящая, дѣвственная пустыня. Лѣсъ огромный, корабельный, много всякаго звѣрья. Приходъ Немжинскій самый бѣдный; онъ состоитъ изъ пяти маленькихъ деревушекъ (всего 130 душъ); кругомъ деревушекъ непроходимыя болота. Церковь во имя великомученика Георгія.

---

[1]) См. «Записки И. Р. Г. Общества», стр. 169 и въ прилож., стр. 180 и 387.

[2]) О погостѣ ***Ильинскомъ*** въ Виницахъ см. тамъ же, т. III, стр. 169 и въ прилож., стр. 179—180 и 388.

[3]) См. тамъ же, прилож., стр. 179—180 и «Памятную книжку Олонецк. губ. на 1867 г.», отд. III, стр. 19).

Девятый погостъ—*Озерскій*, 10-ть верстъ отъ Немжинскаго. Двѣ церкви: Богоявленія и Святителя Николая съ придѣломъ Александра Свирскаго. Мѣстность безлѣсная; берега Ояти отлогіе. Приходъ весь въ кучѣ. Говорятъ, какъ и въ Немжинскомъ, больше по чудски; бабы не понимаютъ по русски. Лѣсъ около этого погоста нѣсколько отдалился отъ береговъ Ояти.

Между Озерскимъ и слѣдующимъ погостомъ опять по лѣвому берегу Ояти начинается Тихвинскій уѣздъ.

Десятый и послѣдній погостъ на Ояти—*Оятско-Ладвинскій*, въ 15-ти верстахъ отъ Озерскаго. Мѣстность ровная, лѣсистая. Погостъ и селеніе на острову, между Оятью и Ладвозеромъ. Жители почти вовсе не понимаютъ по русски. 7-мь верстъ выше погоста Тихвинскій уѣздъ смѣняется Бѣлозерскимъ. Тутъ начинается обширное, безлюдное и страшное по дикости пространство—область большихъ лѣсовъ и многочисленныхъ озеръ. Оять вытекаетъ изъ группы озеръ, верстъ 25-ть выше погоста. Главное срединное озеро этой группы носитъ названіе Маткозера. Изъ этой же области озеръ вытекаютъ рѣчьки Колыжма и Суда.

Въ сторону отъ Оятской Ладвы [1]) верстъ на 80-тъ нѣтъ жилья. Только одна дорога ведетъ къ Колыжмскому погосту Лодейнопольскаго уѣзда. До этого погоста 40 верстъ, и на всемъ протяженіи этой дороги встрѣчается одна деревушка. Верстахъ въ 35-ти отъ Оятской Ладвы лежитъ озеро Высокозеро; на немъ островъ, на острову церковь, Высокозерскій приходъ. Прежде тутъ была иноческая обитель [2]). Лѣтъ пятнадцать назадъ большіе колокола были вывезены оттуда въ Александро-Свирскій монастырь. На Высокомъ озерѣ живетъ чудь (200 душъ въ Высокозерскомъ приходѣ).

Въ окрестностяхъ Оятской Ладвы водятся во множествѣ медвѣди, рыси и лоси. Въ 1851 — 52 году былъ въ этихъ мѣстахъ «баринъ», то есть человѣкъ въ городскомъ костюмѣ, съ деньгами въ карманѣ, въ сопровожденіи двухъ, трехъ служителей. Священникъ Оятской Ладвы на силу вспомнилъ его фамилію. Англича-

---

[1]) Есть еще Ладва Ивинская, Петрозаводскаго уѣзда, на р. Ивинкѣ, 40 верстъ въ сторону отъ Педасельги. *Ив. Х.*

[2]) См. о ней «Памят. книжку Олон. губерніи на 1867 г.» отд. III, стр. 13.

нинъ (судя по фамиліи), этотъ юноша два лѣта къ ряду охотился въ лѣсахъ по верховьямъ Ояти. Одинъ изъ здѣшнихъ крестьянъ былъ у «барина» въ Петербургѣ и видѣлъ у него чучело убитаго въ окрестностяхъ Ладвы медвѣдя. Говорятъ, что онъ живетъ хорошо, богато. Широко давалъ помогавшимъ ему на охотѣ крестьянамъ, равно какъ и тѣмъ, кто наводилъ его на слѣдъ звѣря. Другого барина посѣтителя Оятская Ладва не запомнитъ [1]). По берегамъ Ояти еще не такъ давно водились разбойники. Знаменитый Рямза былъ уроженецъ этихъ же мѣстъ, и долго онъ тутъ скитался со своею шайкой. Его мѣстопребываніе было въ окрестности деревни Пальгиной, въ 7-ми верстахъ отъ Ояти. Говорятъ, что онъ щадилъ хорошихъ и грабилъ только дурныхъ. Онъ щедро платилъ за услугу; щадилъ женщинъ и дѣтей. Разсказываютъ о его необыкновенной силѣ, передаютъ подробности его поимки и изчезновенія его шайки.

Русскіе обитатели береговъ Ояти говорятъ тѣмъ стариннымъ русскимъ языкомъ, который отчасти знакомъ читателямъ памятниковъ нашей старинной письменности: та же простота, та же образность и роскошь въ словопроизводствѣ и, наконецъ, такое обиліе древнихъ терминовъ, котораго не встрѣчается въ среднихъ губерніяхъ. Словъ татарскаго происхожденія вовсе нѣтъ въ употребленіи: такъ напримѣръ, слова «лошадь» и «кнутъ» многимъ, не бывавшимъ въ городахъ, совершенно не понятны. Мѣстное отличіе оятскаго говора отъ новгородскаго состоитъ въ томъ, что звукъ *ч* не такъ часто замѣняется звукомъ *ц*, какъ напримѣръ въ Боровичахъ; звукъ *ѣ* въ корняхъ словъ почти всегда замѣняется звукомъ *и*. Въ склоненіи существительныхъ замѣтна стойкость въ употребленіи для пад. винит. единств. числа существительныхъ именъ женск. р.—флексіи пад. винит., напримѣръ: «надо корова купить»; творит. падежъ множ. числа, не имѣя своей особой флексіи, сходствуетъ съ пад. дательнымъ. Напримѣръ: «ёна за курамъ смотритъ».

---

[1]) Недалеко отъ р. Ояти р. Санiала, вытекающая изъ Расозера, впадаетъ въ Суду. Въ Расозеро впадаетъ р. Черная, вытекающая изъ Шатозера. Между Высокозеромъ и Шатозеромъ узкій перешеекъ. Существовалъ проектъ соединенія Суды съ Оятью. *Ив. Х.*

Въ спряженіи отбрасывается окончаніе 3-го лица *тъ* въ единств. ч. всегда, а въ множеств. числѣ когда передъ *тъ* стоитъ *я*, а не *у*, напримѣръ: «топя» вмѣсто топятъ. Образцы языка буду имѣть случай предложить ниже, говоря о вѣрованіяхъ и пѣсняхъ.

Народъ на Ояти мало религіозенъ, съ истинами религіи мало знакомъ. Церковь въ праздники всегда пуста. Посты строго соблюдаютъ; оказываютъ непритворное уваженіе къ памяти Александра Свирскаго: «память» его, 30 августа,—это ихъ праздникъ; говорятъ: «варить пиво къ памяти», «онъ былъ здѣсь о памяти» [1]). Нравственность можно назвать хорошею; пьянство только по праздникамъ. Изъ старинной одежды «штофники» (штофные сарафаны и кофты) надѣваютъ преимущественно на невѣсту, въ день свадьбы; старухи носятъ на головѣ «полетушки», родъ малороссійскаго очипка. Вообще же нарядъ русскій оставляется. Женщины начинаютъ одѣваться очень нарядно,—носятъ французскіе ситцы и шелкъ.

Но бытъ жителей, не смотря на эти новшества, все таки сохранилъ свой чистый, свободный и старинный характеръ. Обряды старинные соблюдаются съ полной вѣрой въ значеніе ихъ. Свадебный обрядъ на Ояти представляетъ много любопытнаго для наблюдателя этнографа. Свадебное торжество начинается съ «рукобитья» на канунѣ свадьбы въ домѣ у невѣсты. Отецъ ея кладетъ полу своего кафтана въ полу женихова отца роднаго, отца крестнаго, дружекъ и прочихъ ближнихъ родныхъ, которыхъ всѣхъ съ этой минуты сажаютъ въ переднiй «большой» уголъ и называютъ «свадебщиками» и «поѣзжанами», женщинъ же со стороны жениха «брюдгами». Выводятъ невѣсту изъ «малаго» задняго угла двѣ женщины—мать крестная и наемная плакальщица. Жениха съ противоположной стороны выводятъ дружки. Начинается торгъ изъ-за каждаго шага, изъ-за каждой половицы; одинъ изъ дружекъ и плакальщица ведутъ споръ; противники съ трудомъ дѣлаютъ другъ другу уступку, переступая съ одной половицы на другую. Изба въ

---

[1]) Преп. Александръ самъ былъ уроженецъ оятскаго края: онъ родился въ д. Мандерѣ, принадлежавшей къ Введенскому погосту (см. «Русскіе святые» архіеп. Филарета, Августъ, стр. 136, и «Записки Имп. Р. Г. Общ.», т. VIII, прил., стр. 149).

это время полна народу; зрители подхваливаютъ, если дружко хорошо «заводитъ» свадьбу. Приходить на свадьбу всѣ могутъ: по мѣстному выраженію, «и комаръ, и муха вали!». Сближеніе жениха и невѣсты начинается тѣмъ, что дружко подноситъ имъ стаканъ меду, который они пьютъ по глоткамъ: то одинъ хлѣбнетъ, то другая; при каждомъ глоткѣ широкій русскій крестъ; въ зрителяхъ умиленіе и мертвое молчаніе. Когда стаканъ выпитъ до дна, женихъ бросаетъ въ него монету; невѣста беретъ ее, и они въ первый разъ публично цѣлуются. Тутъ опять торжественное рукобитье родителей: одинъ изъ дружекъ звонитъ въ колоколъ и тѣмъ повѣщаетъ о свадьбѣ.

Поѣзжанамъ накрываютъ столъ, подносятъ въ даръ полотенца, а невѣста между тѣмъ подымаетъ свой громогласный плачь:

А ни въ колоколъ ударили,
Ни во вся и затрезвонили,
Какъ ударилъ родный батюшка
Со чужимъ да сочужателемъ.
Ёнъ ударилъ рука объ руку,
Ёнъ ударилъ пола о полу.

Въ день свадьбы по утру дружки везутъ дары невѣстѣ и ея роднымъ, мужчинамъ — рукавицы, женщинамъ — чулки. Дружекъ долго не сажаютъ за столъ, распрашиваютъ—откуда они и пр. Потомъ братъ невѣсты продаетъ ее старшему дружкѣ. Невѣста съ каждаго гостя сбираетъ себѣ на подмогу съ слѣдующимъ причитаньемъ.

Пойду я потихошеньку,
Поклонюсь я понизешеньку:
Ты, дороднiй добрый молодецъ,
Ты стоишь да обритаешься!
На ти шуба соболиная,
Паволочка сукна тонкаго,
Опоясочка шелковая!
На тиби то, добрый молодецъ,
Двои, трои желты кудерки,
Первы кудерки расчесаны,
Други кудерки завитыи,
На всякой на кудерочки

По скатной по жемчужинки!
Дарить — такъ дари, добрый молодецъ;
Не дарить — такъ прочь отказывай;
Не томи такъ красной дѣвушки,
Ужъ я такъ да притомиласи.

За столомъ въ домѣ «князя молодого», послѣ вѣнца, дружки съ невѣсты плетью снимутъ платъ, которымъ лицо ея завѣшано, при чемъ спросятъ: «Хороша ли наша молодая княгиня?» Зрители во всю мочь закричатъ: «хороша», а старшій дружка возьметъ плеть, постучитъ ею въ «грядку» (полку или воронецъ) и прокричитъ такое слово:

Слушайте, послушайте!
У Михайлы Ефимовича есть въ домѣ радость:
Сына женитъ, невистку въ домъ бере,
Насъ, своихъ родныхъ, буде дарамъ дарить,
А васъ, всихъ крещеныхъ, пивомъ да медомъ поить.

За этимъ столомъ дружка раздаетъ дары, привезенные отъ молодой, и подаетъ ихъ непремѣнно на плети, при чемъ приговариваетъ: «У князя молодого въ домѣ есть родна матушка Овдотья Филипьевна (или *сестра*, *тетушка*, *братъ*); князь молодой дарамъ даритъ, княгиня молодая низко кланяется». Плеть играетъ вообще большую роль: ею крестъ на крестъ сѣкутъ подушки, на которыхъ молодые сидятъ во время пира; сѣкутъ ею и постель новобрачныхъ. Молодыхъ кладутъ спать при всѣхъ гостяхъ; свекоръ передъ тѣмъ поитъ ихъ пивомъ, произнося молитву. Молодая обращается поочередно ко всѣмъ роднымъ мужа съ просьбой «оборонить ее отъ темной ночьки».

На другой день свадьбы у женихова отца «княжой столъ», на третій у тестя «наблѣбины». Свадьба съ дарами и угощеніемъ обходится дорого; невѣста издерживаетъ болѣе ста аршинъ холста; всего свадьба самая обыкновенная стоитъ обѣимъ сторонамъ не менѣе 200 рублей [1]).

---

[1]) Заимствуемъ въ извлеченіи изъ «Олонецкихъ губернскихъ вѣдомостей» 1867 г., № 31, описаніе еще одного обряда, существующаго на берегахъ Оятя, «поминокъ», и соединенныхъ съ нимъ вѣрованій о душахъ умершихъ людей:

По понятіямъ народа, покойникъ составляетъ что-то нечистое и скверное, и

На Ояти живо, какъ задушевное народное вѣрованіе, представленіе о Лѣсовикахъ, Баенникахъ, Ригачникахъ и пр. Антропоморфическій характеръ этого вѣрованія особенно любопытенъ.

«Лѣсовика» часто встрѣчаютъ въ лѣсу; о немъ множество разсказовъ. Его встрѣтила въ лѣсу Пѣшкина тетка, Ивановъ отецъ, Марьина свекровь. Иногда онъ высокъ—на равнѣ съ деревомъ, иногда на равнѣ съ вересовымъ кустомъ. Чаще всего является въ образѣ мужика, непремѣнно длинноволосаго и завитаго, «колпачекъ какъ у священника». Марьина свекровь встрѣтила его на лошади. Его можно отличить отъ обыкновеннаго крестьянина, потому что у Лѣсовика лѣвая пола закинута на правую, а не на оборотъ. Онъ «гогочетъ въ лѣсу, шумитъ». Къ Маринѣ Ильшинѣ не вернулась изъ лѣсу корова. Дѣло было къ ночи; Марина испугалась и стала говорить: «Лисъ праведный, чего ты коло миня мутишь, коло бидной вдовы?» По лѣсу гулъ пошелъ: ёнъ-то сміется». Лѣсовикъ охотникъ до коровъ и водитъ ихъ цѣлыя стада, но онъ плохо ихъ содержитъ:

всякій, прикасающійся къ нему, такъ же сквернится, какъ равно и мѣсто, гдѣ онъ лежалъ въ домѣ, и самый домъ. Такое оскверненіе, по мнѣнію народа, продолжается до сороковаго дня и раньше быть очищено не можетъ. Въ сороковой день совершается очищеніе, съ особенными обычаями. Вѣрятъ, что тогда самъ покойникъ отпускается въ родной домъ погостить на сутки. Родственники его дѣлаютъ все, что только можно сдѣлать для такого гостя. Еще на канунѣ сороковаго дня весь домъ вымывается самымъ тщательнымъ образомъ, и все лишнее изъ дому выносится вонъ. Вечеромъ, въ сумерки, въ большой уголъ стелется чистая постель съ бѣлою простынею и накрывается одѣяломъ. Эта постель приготовляется для спанья, ночью, умершаго, и къ ней никто уже не смѣетъ прикоснуться, не только лечь. Въ самый же сороковой день съ ранняго утра начинаютъ приготовлять обѣдъ, и старшій или большакъ въ домѣ идетъ къ священнику приглашать его для поминовенія и на обѣдъ. Около двѣнадцати часовъ собираются родные и знакомые умершаго, и накрывается столъ, за который, въ ожиданіи священника, никто не садится. Послѣ всѣхъ приходитъ священникъ съ причтомъ. Ихъ встрѣчаетъ на крыльцѣ вся родня умершаго; впередъ выступаютъ двѣ плакальницы и начинаютъ причитывать и приплакивать однообразный причетъ. Священникъ въ продолженіе причета одѣваетъ на себя эпитрахиль, беретъ кадило и начинаетъ служить тутъ же на дворѣ литію, по окончаніи которой всѣ входятъ въ домъ. Тутъ начинается обѣдъ. Обѣдъ отличается тѣмъ, что для него не жалѣютъ ничего: что есть въ печи—все на столъ мечи; особенно много бываетъ вина. Хозяинъ и хозяйка сами за столъ не садятся: ихъ дѣло подчивать гостей. Первое

коровы у Лѣсовика «томныя», тогда какъ у Водяника «сытыя». Стада крестьянскія пасутся въ «лисяхъ», но они ограждены отъ жаднаго до нихъ Лѣсовика «отпускомъ». Пастухъ получаетъ отпускъ отъ ворожника. По полученіи отпуска, въ лѣсу дѣлаются такъ называемые «воротца», и сквозь нихъ прогоняется все стадо. Иной разъ въ силу отпуска первая корова идетъ въ жертву Лѣсовику, отъ чего въ скоромъ времени и исчезаетъ. Главная цѣль отпуска, чтобы «звирь не крянулъ животину» [1]). Отпускъ держится въ строгой тайнѣ; получившій его пастухъ принимаетъ на себя нѣчто въ родѣ послушанія: или онъ не долженъ ѣсть ягодъ, или не долженъ

мѣсто за столомъ, разумѣется, занимаетъ священникъ; съ правой его стороны остается пустое мѣсто, гдѣ подъ скатертью примѣтны тарелка, хлѣбъ, пироги ложка и вилка, а на столѣ противъ того мѣста стоитъ полная рюмка вина и деревянный стаканъ пива; нечего и говорить, что весь этотъ приборъ приготовленъ для умершаго, о которомъ утвердительно вѣрятъ, что онъ, такъ же какъ и живые, ѣстъ, пьетъ и сидитъ за столомъ, хотя и невидимъ, для глазъ, и пользуется особымъ вниманіемъ хозяина и хозяйки—подчиваніемъ наравнѣ съ священникомъ «Кушай-тко, батюшка»,говоритъ обыкновенно хозяинъ или хозяйка, обращаясь къ священнику,—«кушай-тко, родоименькой», прибавляютъ они, кланяясь порожнему мѣсту и обращая свои слова къ умершему. Послѣ обѣда за разъ же начинается отправка души умершаго на вѣчный покой, опредѣленный ей отъ Бога, откуда она не можетъ уже выдти никуда и никогда. Всѣ обѣдавшіе поднимаются изъ-за стола; священникъ опять надѣваетъ эпитрахиль, беретъ кадило и идетъ на улицу; здѣсь онъ опять служитъ литію и, по возглашеніи вѣчной памяти усопшему, отправляется или опять въ домъ, или домой. Между родственниками начинается на улицѣ плачь; по ихъ вѣрованію, душа покойника прощается въ это время со всѣми и за тѣмъ отходитъ отъ нихъ безвозвратно. Отходитъ она, обыкновенно, въ ту сторону, гдѣ стоитъ церковь, чтобы тамъ проститься со своею могилою. Родственники направляютъ туда же свои взоры. Проводы кончились. Родные входятъ для дальнѣйшаго угощенія опять въ домъ, гдѣ, на свободѣ, безъ присутствія покойнаго, угощаются до вечера и истребляютъ остатки обѣда и вино, оставшееся отъ него.

[1]) Отпускъ произносится ворожникомъ обыкновенно за извѣстную плату и говорится въ ночь передъ самымъ выпускомъ скота, на пастушій рогъ, на трубу или на ремень. Народъ вообще различаетъ отпуски на божественные и чертовы, соотвѣтственно ихъ содержанію: въ первыхъ призываются на помощь небесныя силы, во вторыхъ,—темныя. Когда говорятъ отпускъ божественный, пастухъ долженъ стоять передъ образомъ и полагать земные поклоны (см. «Олонецк. губ. вѣд.» 1867 г., № 32).

брать ничего прямо изъ рукъ другаго человѣка, или не смѣетъ лазить сквозь изгороду, въ щель, а долженъ непремѣнно чрезъ нее перепрыгивать.

«Водяной» хорошо держитъ коровъ, которыя ходятъ иногда по берегу около рѣки. Часто разсказываютъ про «Водяную». «Сидитъ она на берегу, чеше гребнемъ голову, волоса по песку далеко». Она бѣлая, полная, садится подъ сосну. Моя разскащица видѣла ее подъ вечеромъ на берегу, какъ въ Ширшиничи идешь. Отцу же ея она показалась въ видѣ Михѣевны: «несе зыбку, ёнъ ска [1]): «Михѣевна, ты куда?» А ёна съ зыбкой въ воду бултыхъ—только и видѣли. Тою осенью спустили мы жеребенка—конь былъ хорошій—волки и съили его: вотъ ёна къ чему привидилась».

«Баенникъ»—злой. «Не ходи въ байню ночью. Мужчина ёнъ черный, лохматый; старичка подъ полокъ затискалъ; два раза въ байню сходишь, а на третій не ходи: ёнъ моется».

«Ригачникъ»—добрый духъ. Онъ обороняетъ отъ колдуновъ и умрановъ. Волоса у него подрѣзаны и завиты, ходитъ въ оборваномъ платьѣ, всегда черный, запачканый. Бережетъ ригачи и гумно, отчего и зовется Ригачникомъ и Гуменникомъ.

«Умранъ»—покойникъ, встающій по ночамъ изъ могилы. Катается бѣлымъ шаромъ и наводитъ страхъ больше на женщинъ, рѣдко на мужчинъ; какъ только пѣтухи пропоютъ—часъ его кончается и онъ «не може быть».

«Дворенникъ» никогда не показывается въ своемъ видѣ; является же въ образѣ крысы, лягухи, гада. У одного крестьянина всѣ коровы пали отъ того, что онъ убилъ крысу, въ видѣ которой пришелъ къ нему Дворенникъ. Этого надо «ладить», онъ мститъ за дурное слово, за побранку, сказанную скотинѣ. Онъ очень любитъ кошку, по ночамъ выглаживаетъ ей шерсть. Если корова не по двору, то Дворенникъ взлохматитъ ей шерсть, и надо скорѣе продавать ее. Онъ сидитъ около большой скотины и иногда зажигаетъ фонарь въ конюшнѣ.

Сказки въ оятскомъ краѣ встрѣчаются довольно рѣдко. На

---

[1]) «Ска» вм. «сказалъ»; это сокращеніе весьма часто употребляется въ разговорѣ.
Ив. Х.

родъ оставляетъ ихъ и перестаетъ ими интересоваться. Ихъ знаютъ немногіе старики, изъ которыхъ одинъ Александръ Филипьевъ, въ Имоченицкомъ погостѣ еще привлекаетъ въ зимніе вечера толпу слушателей. Въ его сказкахъ замѣтны свѣжіе слѣды былины, и мѣстами сохранился былинный складъ. Длинная сказка объ Ильѣ Муромцѣ содержитъ въ себѣ весь циклъ былинныхъ сказаній объ этомъ богатырѣ. За то на Ояти еще любятъ духовные стихи, и безъ нихъ рѣдко обходится деревенскій храмовый праздникъ. Одинъ изъ пѣвцовъ, ихъ поющихъ, Никита Богодановъ, посѣщаетъ по праздникамъ всѣ оятскіе погосты. Его стихъ о душѣ, какъ съ тѣломъ разставалася, особенно любимъ народомъ.

Никита Богодановъ изъ деревни Саксоницъ, въ Валданицахъ, Гедевскаго погоста [1]), хромецъ, пятидесяти лѣтъ, научился пѣть стихи отъ слѣпыхъ стариковъ изъ Боровичъ, Ивана и Гаврилы, прозвища которыхъ онъ не знаетъ. Самъ такъ освоился со стихомъ, что владѣетъ имъ вполнѣ и варіируетъ по своему. Знакомство съ учителями своими онъ свелъ въ Александро-Свирскомъ монастырѣ, гдѣ садился, какъ самъ выражается, «подъ губами поющихъ». Онъ поетъ обыкновенные заздравные и заупокойные стихи, «Книгу голубиную» со всѣми подробностями, кончая правдой и кривдой въ видѣ двухъ зайчиковъ; поетъ сполна «Алексія божьяго человѣка», «Елисафу Царевну» или стихъ о Егоріѣ Храбромъ; стихъ — какъ душа съ тѣломъ разставалася, стихъ о страшномъ судѣ, о пятницѣ, о суботнихъ баенщикахъ или о будущихъ мукахъ. Болѣе ничего не поетъ, говоря, что не выучился стиху о Соломонѣ, и что о Асафѣ царевичѣ въ здѣшнихъ мѣстахъ со всѣмъ не поютъ, не знаютъ пѣть.

Стихъ объ «Алексіѣ божьемъ человѣкѣ», въ пересказѣ Богоданова мало чѣмъ разнится отъ пересказовъ, извѣстныхъ по сборнику г. Безсонова. Приведу изъ него нѣкоторыя мѣста, наиболѣе выдающіяся по выразительности или по формамъ словъ.

Какъ во славномъ городѣ во Римѣ,
При царѣ при второмъ при Онореѣ,
Жилъ былъ князь великій Евфиміанинъ;

---

[1]) См. «Записки И. Р. Г. Общества», т. VIII, прил., стр. 152.

У него не было дѣтища;
Онъ пошелъ во соборную церковь
Со своею обручною князиной.

Молитва родителей. Зачатіе, рожденіе младенца, при чемъ князь ходилъ по городу и сзывалъ поповъ-священниковъ.

Пеленали младена во поясы,
Во поясы младена во шелковы,
Во пелены младена камчатныи,
Попы священники въ крещеную вѣру приводили.
Священники имя нарекали,
Называли младена Олексіемъ,
Олексіемъ божьимъ чуловикомъ.

Семи лѣтъ его отдали въ наученье грамоты:

Ему грамота, свиту, даласи,
Ёнъ скоро читать, писать научилси;
Ёнъ святую книгу евангельскую разумѣетъ.

Свадьба Алексія, вѣнецъ его и брачный пиръ.

Сажали его, свита, за трепезу,
За скатерти, свита, за бранья;
Вси князья-бояре воскушаютъ,
Одинъ Олексій не воскушаетъ.

Рѣчь отца:

«Не по разуму тебѣ питья медвяны,
«Али молода князина не по мыслямъ?»

Слезы Алексія и его отшествіе въ ложницу. Прощанье съ молодой женой:

«Ты положи поясъ на ютробу,
«На свое ютробное мистечко».
И на то княззина умолчала.

Алексій пошелъ

Ко славному городу Пріиму,

Садится на кораблик, погода переноситъ его

Ко славному городу Курдею,

Онъ идетъ въ церковь соборную, молится Богородицѣ объ отращеніи волосъ и бороды, чтобы его не узнали. Слуги Ефиміана

Всю Турецку землю обходили,

Приходили къ городу Курдею.
Ко святой соборной Божьей церкви.
Они Олексія увидали,
Они Олексія не юзнали.

Черезъ семнадцать лѣтъ Богородица Алексію голосомъ гласила:

«Поѣзжай ты въ Римское царство,
«Тиби полно отца, матери томити».

Свиданіе Алексія съ отцомъ на паперти соборной церкви и просьба Алексія поселиться на дворѣ у отца и выстроить келью.

Смерть Алексія:

Молодой его келейникъ
Приносилъ чернила, листъ бумаги;
Олексій сталъ свое житіе писати,
Чудеса міру объявляти.
Богородица голосомъ гласила
Свѣтлѣющимъ патріархамъ...

Патріархи съ соборомъ пошли въ келью усопшаго, и сталъ патріархъ читать рукописанье:

Ёнъ дочелся до города до Рима,
До князя до Ефиміана.

Плачь отца, матери, невѣсты. Мать

Свой жалобный гласъ выпущае,
Умильными словами причитае:
«Для чего ты матери не сказалси:
«Не держали бы мы тебя въ чернитѣ,
«Выстроили бы келью, да не такую».

Стеченіе народа при выносѣ мощей.

Отъ святыхъ мощей Господь давалъ прощеніе,
А слипымъ давалъ Господь прозрѣніе,
А безрукимъ давалъ Господь руки, и т. д.

«Стихъ о Егорьѣ Храбромъ»: Три беззаконныхъ царства было и три города: Содомъ, Гоморъ и царство Рахрынское. Два первые города провалились сквозь землю, на третье посылалъ Господь змѣя пещерскаго. Метали жребій, и жребій палъ наконецъ на самаго царя Агапія.

Прикручинился царь, припечалился,

Ёнъ понизилъ свою буйную голову
Да пониже плечъ могучіихъ.

Жена его утѣшаетъ тѣмъ, что можно вмѣсто себя отдать змѣю на съѣденіе

Дочь единую, дочь немилую,
Красну дѣвушку Елисафію,
Елисафію Агапіевну:
«Она Богу вѣруетъ не нашему,
«Она вѣруетъ распятому.»
А и царь самъ радостію принаполнилси.

Они велятъ дочери на завтра нарядиться и обѣщаютъ ее выдать замужъ за человѣка ея вѣры.

Красна дѣвица она радовалась,
Всю ночь она Богу молилася.
Вставала она очень ранешенько,
Умываласи очень бѣлешинько,
Снаряжаласи очень хорошехонько.
Глядитъ: на дворѣ стоитъ телѣга черная,
Запряженъ стоитъ жеребчикъ неученый,
Сидитъ, правитъ молодчикъ поваленый.

Явленіе Егорія Храбраго дѣвицѣ. Появленіе змѣя:

Сине море всколыбнулось,
По морю да волна расходиласи,
Змія люта стала появлятися:
Дви головы-то человѣчески,
Третья—лошадиная.

Побѣда дѣвицы надъ зміемъ, по указанію Георгія, который требуетъ отъ царя построенія трехъ церквей: одну—Спасу, другую—Богородицѣ и Николаю, третью—Егорію свято-храброму.

Слыветъ та гора змiина
Отъ нынѣ и до вѣку.

«Стихъ о мукахъ адовыхъ» носитъ названіе «Суботней байни» (бани) на томъ основаніи, что въ немъ изображается, между прочими адскими муками, и кара, которой подвергнутся ходящіе въ баню по субботамъ. Появленіе этого стиха на Ояти, а равно и самое заглавіе его можно объяснить тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ деревняхъ по

Опяти считается страшнымъ грѣхомъ посѣщать баню по субботамъ, Обычный день для бани въ такомъ случаѣ пятница. Знатокъ оцѣнитъ предлагаемые варіанты этого не разъ изданнаго стиха.

Съ восточной стороны
А идутъ праведни,
А идутъ труждающи.

Встрѣчаютъ ихъ Небесный царь и приглашаетъ въ свой прекрасный рай.

А идутъ грѣшныи,
А идутъ беззаконныи,
А идутъ проклятыи

и также просятъ Царя небеснаго принять ихъ въ небесный рай на что Царь небесный имъ отвѣчаетъ:

Подите вы, грѣшныи,
Подите, проклятыи,
Къ отцу-сатанѣ;
Вамъ мисто адово,
Вамъ пропасть глубокая,
Вамъ смола кипучая.

Они пали на сыру землю:

«А и мать сыра земля,
«И наши родители,
«На что насъ породили,
«На что насъ не учили
«На дѣла на добрыи?»

Тутъ идетъ исчисленіе мукъ адовыхъ:

Попамъ, діаконамъ —
А имъ печи мѣдныи,
Затворы желѣзныи;
Старцамъ и блудникамъ —
Зла смола кипучая;
Дѣвицамъ-душегубицамъ —
Зміи поѣдаемы,
Груди выѣдаемы;
Ворамъ, разбойникамъ —
Имъ пилы терзаніе,

Костья раздираніе;
Субботнимъ баенщикамъ—
Имъ полки горячіи,
Прутья желѣзныи;
Корчевникамъ пьяницамъ—
Чады горькіи,
Смороды великіи;
Языпникамъ - клеветникамъ—
За языкъ повишанье
На уды на мѣдныи,
На древа на каленыи.

Стихъ «какъ душа съ тѣломъ разстается» записалъ я цѣликомъ, какъ поетъ его хромецъ [1]). Стихъ этотъ весьма интересенъ по чертамъ, обрисовывающимъ народную нравственность. Начало его поэтично: ангелы плывутъ по рѣкѣ, на встрѣчу имъ идетъ Іисусъ Христосъ.

Изъ Ильменя-озера протекла Іорданъ рѣка;
Какъ по этой рѣкѣ плывутъ анделы,
А на встричу имъ Іисусъ Христосъ;
И выспрашивае у нихъ, и выпытывае:
«Гдѣ вы были, ходили, похаживали?
«Гдѣ вы были, ходили, погуливали?
«Гдѣ что видили, гдѣ что слышали,
«Анделы вы мои, святые арханделы?»
«Ай ты, истинный Христосъ, нашъ любезный Царь,
«Мы были, ходили на вольноемъ свиту.
«Столько видили, столько слышали,
«Какъ душа съ билымъ тиломъ разставаласи;
«А разставши, душа съ тѣломъ не простиласи,
«Не простивши, душа назадъ воротиласи,
«Воротивши, душа къ тѣлу приложиласи;
«Приложивши, душа съ тѣломъ разпростиласи:
«—Ты прощай-ка, прощай, тѣло бѣлое мое!

---

[1]) При чемъ старался соблюсти всѣ оттѣнки произношенія не всегда одинаковаго даже въ однихъ и тѣхъ же словахъ.

Ив. Х.

«Ты пойдешь, тило билое мое, во сыру-мать землю,
«Твое круто костье злы черви выточать,
«До второва до Христова до пришествія.
«Я пойду душа въ темное мисто въ муку вичную».
«— Почему ты, душа, грѣхи угадываешь?»
«Я жила-то была душа на вольноёмъ свиту,
«Разохвоча была по подоконью стоять;
«По подоконью стояла, много слухивала,
«Я не видила скажу—видила,
«Я не слышала скажу—слышила,
«Изъ бесёды на бесёду висти снашивала;
«Я сусида на сусида много смучивала,
«Ужь я хлопоты, брани много сваживала;
«Бизкорыстный сиби грихъ душа получила;
«Я во тыхъ грихахъ не каялась,
«На духу отцу-священнику не сказывала.
«Я еще, душа, грѣшно Богу согрѣшивала:
«Чужу полосу за межу зажинивала,
«По насердки [1]) зароды [2]) зажигивала,
«У коровъ молоко отнимывала,
«Подъ горьку осину выливывала;
«Безкорыстный сиби грихъ, и т. д.
«Я еще душа Богу согрѣшила:
«На солнышки, на мѣсяци пробовыла,
«Луну свѣтлу Господню запарчивала [3]),
«Во ютробѣ младена затушивала,
«Змія люта ко билымъ грудямъ припускивала,
«Бизкорыстный сиби грихъ душа получила, и т. д.
«Я еще душа Богу согрѣшила:
«Кума съ кумой много сваживала,
«У хлиба спорыни отнимывала.

---

[1]) Со злости.

[2]) Зародъ—стогъ ржи, овса или сѣна.

[3]) Любопытно, что пѣвецъ не могъ объяснить этихъ выраженій, но сказалъ, что такъ поется изстари, и что дѣло идетъ о ворожбѣ.

Ив. Х.

«По путямъ, я по дорогамъ много хаживала,
«Безъизвистныхъ головушекъ погубливала,
«Бизкорыстный сиби грихъ, и т. д.
«Еще я душа Богу согрѣшивала:
«Разохвоча была по свадьбамъ ходить,
«Я молоду жену съ мужемъ разлучивала
«За рюмочку, за чарочку зелена вина.
«Бизкорыстный сиби грѣхъ, и т. д.
«Я ходила, душа, по царевымъ кабакамъ,
«Выпивала, душа, много зелена вина,
«Умерла теперь, душа, безъ попа, безъ дара̀,
«Безъ пока̀янія!
«Есть у этой души гриховъ лютая гора,
«И пошла она въ трійисподніи земли,
«Въ тріисподніи земли, въ тартарары;
«Викъ ей буде молиться—не отмолитьси,
«Вѣкъ каяться буде—не откаятьси,
«Вѣкъ плакать—не отплакатьси,
«Отъ нынѣ и до вику.

Ив. Хрущовъ.